

СОЦИАЛЬНАЯ И ДОМАШНЯЯ РЕКЛЮЗИЯ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Литвинцев Денис Борисович,

кандидат социологических наук,

ассистент кафедры социальной работы и социальной антропологии

Новосибирского государственного технического университета,

Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20

ORCID: 0000-0002-0358-3681

denlitv@inbox.ru

Аннотация

В последние годы во всем мире исследователи всё чаще обращаются к проблеме социального отчуждения, что вызвано не только эпидемией коронавирусной инфекции, но и другими многочисленными социально-институциональными процессами. В настоящей статье представлен обзор и социологический анализ зарубежных подходов к исследованию социальной реклюзии как формы социального отчуждения в религиозном, социально-философском, психологическом, рекреационном, историко-культурологическом, пространственно-географическом и экономико-политическом дискурсах. Социальная реклюзия продемонстрирована как на известных исторических (поэтесса-затворница Эмили Дикинсон и др.), так и на современных кейсах. Выявлено, что социальная реклюзия может возникать относительно всего общества, отдельных социальных групп (например, семьи) или институтов, а также территорий. Особое внимание уделено домашней реклюзии (уединению в стенах своего жилища) и «зеленой» реклюзии (уединению на природе). Отмечено противопоставление исследователями социальной реклюзии и социальной эксклюзии, изоляции, культурного участия и свободы. Подчеркивается, что социальная изоляция не тождественна социальной реклюзии, но может сопровождать ее в условиях ограниченных социальных контактов, что подтверждает феномен реклюзивной открытости А. Хансена. Установлено, что детерминантами домашней реклюзии могут выступать место проживания, морально-психологическое состояние человека, ограниченные возможности здоровья у пожилых людей, видимые физиологические недостатки или зависимость от экрана (преимущественно в молодежной среде, что в Японии получило название «хикikomори»). Руководствуясь диалектическим представлением о функциональности социальной реклюзии, показаны как ее негативные, так и положительные аспекты, например, способствование реинтеграции в социум.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НИТУ, научный проект № С22-17.

Ключевые слова: социальная реклюзия, домашняя реклюзия, зеленая реклюзия, социальное отчуждение, социальная отстраненность, социальная изоляция, социальная эксклюзия, реклюзивная открытость.

Библиографическое описание для цитирования:

Литвицев Д.Б. Социальная и домашняя реклюзия: обзор зарубежных исследований // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 2. – С. 374–384. – DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-374-384.

Проблема идентификации социальной реклюзии не перестает быть актуальной [1], выходит далеко за рамки религиозного дискурса и становится объектом исследования специалистов из различных областей науки. Реклюзия – это социальное отчуждение: от общества, где человек действует социально и экономически; от семьи и друзей, которых человек любит и хочет защищать; от идей, к которым человек привыкал годами. Реклюзия налагает плату забвения себя и других и растворения себя в небытии. Ничто не может быть ближе к полной реклюзии, чем идеал освобождения от желаний и привязанностей [16]. Социально-философский дискурс М. Марра позволяет рассматривать социальную реклюзию как по отношению ко всему обществу, так и к отдельным социальным группам и институтам.

Первым знаменитым «отшельником» в истории, по мнению Г. Фарреда, был величайший герой греков Ахиллес, отказавшийся сражаться с троянцами и ушедший «дуться в свою палатку» [7]. Подобный сигнальный поступок фактически символизирует социальную реклюзию, связанную с уединением, отстраненностью, ретритизмом. В то же время данный пример характеризует временные рамки социальной реклюзии: очевидно, отчуждение может быть кратковременным или более длительным в зависимости от обстоятельств.

Затворничество как разновидность социальной реклюзии было очень распространенной формой религиозной жизни в Средневековье. Мужчина или женщина добровольно заключали себя в тесное пространство и жили там, посвятив остаток своей жизни молитве. После церковных реформ реклюзия в конечном счете была запрещена в Европе, и к XVII–XVIII векам затворников практически не осталось [11]. Целесообразно отметить, что затворничество характеризуется именно замкнутостью пространства, что не является обязательным признаком социальной реклюзии: отчуждение может протекать в различных условиях как природной, так и материально-технологической среды.

С. Волоски, исследуя жизнь известной американской поэтессы-затворницы Эмили Дикинсон, подчеркивает, что реклюзию (в том числе описанную в ее сочинениях) следует рассматривать с точки зрения традиций

социального отчуждения и сопротивления им [23]. Подобный подход задает негативную коннотацию социальной реклюзии и необходимость бороться с ней. Однако не все исследователи разделяют такую точку зрения, это будет рассмотрено далее. При этом термин «домашняя реклюзия» также встречается в зарубежных исследованиях. Т.Т. Ле и ТХ. Л. Нгуен, например, сравнивают домашнюю и имперскую реклюзию [12]. В этом смысле социальная реклюзия может протекать в условиях разной степени ограниченности и комфортности.

В историко-культурологическом дискурсе С. Валюнайте противопоставляет социальную реклюзию участию в культурной жизни, выделяя два аспекта: активное участие и потребление [22]. Действительно, человек в условиях социальной реклюзии в определенной степени перестает быть актором и потребителем отдельных социальных благ. В рамках философского дискурса И. Каллус рассматривает реклюзивность как свойство постгуманистического общества. Природа, культура и временные рамки социальной реклюзии в футурологическую эпоху техногенерализованной номадности могут помочь лучше понять вневременные измерения постгуманистической субъектности [4].

О. Мильо предлагает пространственно-географический дискурс для исследования социальной реклюзии, которая представляет собой сочленение между видимым и невидимым, безопасностью и замкнутостью, мобильностью и неподвижностью. Социальная реклюзия – это, по сути, географическая стратегия, которая разграничивает пространства, сокращает общественные зоны и представляет собой совместную жизнь через призму разделения. Исследователь приводит разные примеры социальной реклюзии согласно географии отчуждения [17]:

- монахи-затворники, живущие в монастырях;
- зажиточные жители, замкнувшиеся в своих закрытых общинах;
- туристы, отдыхающие в анклав;
- граждане, «запертые» в диктаторских странах.

В исследовании Ф. Ли обнаруживается экономико-политический дискурс социальной реклюзии. Сельские районы плохо охвачены государственной политикой и постоянно испытывают трудности с мобильностью и изоляцией. Их отчуждение принимает особую форму, которая определяется как социальная реклюзия, характеризующаяся дистанцированием от источников помощи и постоянной стигматизацией [15]. Данный подход близок к пространственно-географическому подходу О. Мильо, так как делает акцент именно на территории проживания, что становится детерминантом социальной реклюзии. В то же время в данном случае социальная реклюзия сопровождается социальной эксклюзией (исключенностью), чего не происходит в случаях, описанных О. Мильо. Противопо-

ставляя социальную эксклюзию и реклюзию, Ш. Абделькарим отмечает, что фактор принадлежности (городу/стране) и фактор инородности (незнакомцы, сельские жители) усиливают оба этих явления, препятствуя социальной инклюзии [5].

В исследовании качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья С.К. Боччи и М. Анджело противопоставляют социальную реклюзию и свободу, связующим звеном между которыми является социальная поддержка в домашних условиях [3]. В данном случае реклюзивность может рассматриваться как одно из свойств несвободы, что, кстати, вполне характерно для постгуманистического общества. При этом Р. Шарма, Ю. Рамана, С. Маккар и В. Нанда отмечают, что детерминантом домашней реклюзии могут выступать не только ограниченные возможности человека, но и просто видимые физиологические недостатки, такие как гигантская ринофима на лице [20]. Социальная реклюзия, таким образом, может быть связана с отказом социума принять человека с его недостатками.

В дискурсе практик досуга и «бегства» от города встречается понятие зеленой (в значении природной) реклюзии [2]. Феномен усталости от городской суеты достаточно хорошо известен, неслучайно у большинства жителей мегаполисов возникает как минимум сезонное желание провести отпуск на берегу моря или на даче. Понятие зеленой реклюзии, таким образом, акцентирует внимание на открытости места уединения, сопровождаемого временным социальным отчуждением от привычного образа жизни. В то же время зеленая реклюзия сегодня нередко сочетается с цифровым детоксом. В. Харшика определяет это как возможность временно «отключиться» от современных информационно-телекоммуникационных технологий [10], что фактически представляет собой цифровую реклюзию.

Э. Харрис связывает реклюзию с временной социальной изоляцией и желанием побыть в одиночестве, провести время на природе. Хотя этот способ и не является общепринятым, реклюзия на природе обеспечивает необходимое время для восполнения запаса гормонов, уменьшает социальную тревожность и негативные эмоции, улучшает самоощущение и создает эффект «чистого листа», позволяющий более управляемо реинтегрироваться в социум [9]. Целесообразно отметить, что социальная изоляция не тождественна социальной реклюзии, но отчасти может ее сопровождать. При этом противопоставление социальной изоляции, социальной реклюзии (как добровольного отчуждения) и социальной секлюзии (как принудительного отчуждения) встречается в исследовании К.В. Тиндейла [21].

А. Хансен вводит понятие реклюзивной открытости. Несмотря на то что подобное выражение может рассматриваться как оксюморон, фактически оно отражает столкновение индивида или группы с культурой боль-

шинства, что способствует созданию собственной открытости (в философском понимании), развитию идентичности и сожительству [8]. Подобный подход чрезвычайно важен для понимания того, что социальная реклюзия не есть социальная изоляция. Находясь в отчуждении, субъекты продолжают поддерживать социальные контакты разной степени интенсивности. При этом можно утверждать, что различные социальные меньшинства в разных странах в той или иной степени переживают социальную реклюзию.

В 1912 году Андре Жид, лауреат Нобелевской премии по литературе, был назначен присяжным в Руанском суде, что впоследствии сподвигло его описать нестандартные судебные дела. Одним из них стало дело 52-летней М. Бастиан, которая была «заперта» на 25 лет со своей матерью в темной грязной комнате, где жила обнаженной и истощенной посреди мусора и хлама. Несмотря на то что на первый взгляд в данном случае усматривается очевидная вина семьи, суд закончился оправдательным приговором. М. Бастиан действительно пребывала в условиях домашней реклюзии, однако связанной с собственным безумием [6]. Рассмотренный кейс акцентирует внимание на том, что социальный субъект может не только осознанно, но и под воздействием эмоционально-психологического состояния оказаться отчужден от социальной группы (в данном случае семьи) или социума. Это задает психологический дискурс исследования социальной реклюзии. При этом домашняя реклюзия нередко сопровождается такими заболеваниями, как патологическое накопительство [14].

Ж. Шадили и Т. Паннетье отмечают, что феномен домашней реклюзии возникает у современных подростков, зависимых от экранов. Речь в данном случае идет про экраны телевизоров, компьютеров или смартфонов. Этому может способствовать в том числе и определенная семейная конфигурация [19]. Неслучайно борьба с реклюзией, как считают Л. Зелтнер, Н. Бурвис, М. Шукке, М. Робин, Ф. Мориак, Дж. Фуссон и С. Каннас, предполагает слом социально-психологических барьеров между индивидом и сообществом [24]. В то же время это может быть связано со страданиями перехода из мира детства в мир взрослых, что отмечает Н. Саус в исследовании японского психосоциального феномена домашней реклюзии «хикикомори» [18].

Дж. Ли и Й. Ким, применяя феноменологические методы, провели обследование молодых людей, находившихся в условиях домашней реклюзии в течение трех лет. Четырехступенчатая процедура анализа позволила исследователям выделить девять компонентов домашней реклюзии: «борьба с миром», «бегство от мира», «осознание того, что счастье в мире», «усилия жить в мире», «начать общение с миром», «сожаление об упущенном», «время разобраться в себе», «время пригнуться, чтобы взлететь выше», «на-

чало новых крыльев» [13]. Результаты исследования свидетельствуют о диалектической функциональности социальной реклюзии: с одной стороны, она отражает ретритизм и эскапизм, с другой – возможность социальной реинтеграции, на что обращала внимание Э. Харрис.

Таким образом, социальная реклюзия – это форма социального отчуждения по отношению ко всему обществу, социальным группам (например, семья) или институтам. При этом отшельничество и затворничество рассматриваются как разновидности социальной реклюзии, связанные преимущественно с духовными практиками. Социальная реклюзия характеризуется местом (домашняя реклюзия, зеленая реклюзия) и временем (длительность отчуждения), а также противопоставляется свободе и социально-культурному участию. При этом социальная реклюзия не всегда является социальной эксклюзией, или социальной изоляцией, но может сопровождаться ею в той или иной мере в зависимости от открытости, количества и интенсивности социальных контактов. На разных этапах развития общества усматриваются различные предпосылки социальной реклюзии, связанные с влиянием тех или иных факторов. В современном мире религиозный фактор отходит на второй план, но тем не менее феномен социального отчуждения сохраняется и в отдельных случаях даже усиливается. Детерминантами домашней реклюзии становятся территория проживания, морально-психологическое состояние человека, ограниченные возможности здоровья (в первую очередь у пожилых людей) или видимые физиологические недостатки, а также зависимость от экрана в молодежной среде. В то же время социальная реклюзия может иметь как отрицательные, так и положительные функции, связанные с реинтеграцией в социум. Перечень отмеченных в исследовании детерминант и функций социальной реклюзии, очевидно, не является окончательным, что требует дальнейшего исследования и эмпирического подтверждения.

Литература

1. *Andrews F., Rava E.* Defining Reclusion: A Discussion with Presentation of the Papers in this Issue // *Quaderni di Storia Religiosa Medieval.* – 2021. – N 2. – P. 377–408. – DOI: 10.32052/103597.
2. *Bertoni F.* Escapes into nature or green reclusion? Slacklining, non-urban imaginaries, and the potential of bodies in the city // *Annals of Leisure Research.* – 2021. – DOI: 10.1080/11745398.2021.1934883.
3. *Bocchi S.C., Angelo M.* Between freedom and reclusion: social support as a quality-of-life component in the family caregiver-dependent person binomial // *Revista Latino-Americana de Enfermagem.* – 2008. – Vol. 16, N 1. – P. 15–23. – DOI: 10.1590/s0104-11692008000100003.

4. *Callus I.* Reclusiveness and Posthumanist Subjectivity // *Subjectivity*. – 2012. – Vol. 5, N 3. – P. 290–311. – DOI: 10.1057/sub.2012.12.
5. *Chami A.* The ‘Me’ (weld leble>d) and the ‘Other’ (Iberani), Two Factors That Enhance Social Exclusion and Reclusion, and Inhibit Social Inclusion (Coexistence): The North-West Algerian Cities as a Case Study // *Al Naciriya: Journal of sociological and historical Studies*. – 2019. – Vol. 10, N 1. – P. 600–626.
6. *Chenivesse P.* La recluse de Poitiers // *French Journal of Psychiatry*. – 2019. – Vol. 1, Suppl. 2. – P. 87–88. – DOI: 10.1016/j.fpsy.2019.10.098.
7. *Farred G.* Achilles, Celebrity Recluse // *PMLA*. – 2011. – Vol. 126, N 4. – P. 1102–1109.
8. *Hansen A.H.* Footballers and Conductors: Between Reclusiveness and Conviviality // *Conviviality at the Crossroads* / O. Hemer, F.M. Povrzanović, P.M. Ristilammi (Eds.). – Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – P. 227–245. – DOI: 10.1007/978-3-030-28979-9_12.
9. *Harris E.* Don’t Listen to the Media: It’s Okay to Isolate Yourself // 2017 Claremont Colleges Library Undergraduate Research Award. 1. – URL: https://scholarship.claremont.edu/cclura_2017/1 (accessed: 22.08.2022).
10. *Harshika V.* Digital Detox: The Art of Switching Off // *INROADS – An International Journal of Jaipur National University*. – 2018. – Vol. 7, N 1–2. – P. 8–12. – DOI: 10.5958/2277-4912.2018.00023.1.
11. *L’Hermite-Leclercq P., Brouillard L.* Reclusion in the Middle Ages // *The Cambridge History of Medieval Monasticism in the Latin West* / A. Beach, I. Cochelin (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – P. 747–765. – DOI: 10.1017/9781107323742.040.
12. *Lé T.T., Ngy’u T.H.L.* Wang Wei’s wrong attitude towards Tao Yuanming (An “Imperial Recluse” Does not like a “Home Recluse”) // *Journal of Science*. – 2019. – N 5. – P. 67–74. – DOI: 10.18173/2354-1067.2019-0026.
13. *Lee J., Kim Y.* A Phenomenological Study on the Reclusion Experience of Adolescents with Reclusive Loner Experience // *Korean Journal of Child Psychotherapy*. – 2021. – Vol. 16, N 2. – P. 61–91. – DOI: 10.23931/kacp.2021.16.2.61.
14. *Litvintsev D.B.* Social and legal prerequisites for hoarding by condo residents in Russia // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. – 2020. – Vol. 953: XIII International Scientific Conference Architecture and Construction 2020, Novosibirsk, 22–24 September. – P. 012059. – DOI: 10.1088/1757-899X/953/1/012059.
15. *Lyet Ph.* De la fragilité à la réclusion sociale et de l’assistance au développement territorial: des dynamiques d’inclusion en secteur rural // *Vie Sociale*. – 2015. – Vol. 11, N 3. – P. 193–203. – DOI: 10.3917/vsoc.153.0193.
16. *Marra M.* Chapter Eleven. Paradoxes of Reclusion: Between Aesthetics and Anti-Aesthetics // *Marra M. Essays on Japan*. – Leiden, The Netherlands: Brill, 2011. – P. 203–225. – DOI: 10.1163/ej.9789004189775.i-505.31.
17. *Milband O.* Reclus, réclusions, échelle et stratégies spatiales // *La Géographi*. – 2018. – N 1568. – P. 12–16.

18. *Sajus N.* Adolescence recluse et refus de l'altérité: le phénomène Hikikomori // *Empan*. – 2021. – Vol. 124. – P. 117–124. – DOI: 10.3917/empan.124.0117.
19. *Shadili G., Pannetier Th.* Intérêt des visites à domicile chez les “retirants” addictifs aux écrans // *L'Information Psychiatrique*. – 2017. – Vol. 93, N 4. – P. 317–322. – DOI: 10.1684/ipe.2017.1629.
20. Giant rhinophyma: Managing a social recluse / R. Sharma, Y. Ramana, S. Makkar, V. Nanda // *Plastic and Reconstructive Surgery*. – 2005. – Vol. 115, N 7. – P. 2146–2148. – DOI: 10.1097/01.PRS.0000165468.40201.FD.
21. *Tindale C.W.* The Moral Sense in the Time of the Recluse // *Philosophy and Rhetoric*. – 2020. – Vol. 53, N 3. – P. 326–331. – DOI: 10.5325/philrhet.53.3.0326.
22. *Valiūnaitė S.* Jewish Culture in the First Half of the 20th Century in Vilnius. Participant or Recluse? // *Istorija*. – 2021. – Vol. 122, N 2. – P. 30–47. – DOI: 10.15823/istorija.2021.122.2.
23. *Wolosky S.* Emily Dickinson: Reclusion against Itself // *Common Knowledge*. – 2006. – Vol. 12, N 3. – P. 443–459.
24. From individual to community, dealing with reclusion: The experience of Eric, a home treatment crisis team / L. Zeltner, N. Bourvis, M. Chuquet, M. Robin, F. Mauriac, J. Fousson, S. Kannas // *Neuropsychiatrie de l'Enfance et de l'Adolescence*. – 2012. – Vol. 60, N 5. – P. 78. – DOI: 10.1016/j.neurenf.2012.05.311.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022.

Статья прошла рецензирование 30.05.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-374-384

SOCIAL AND HOME RECLUSION: A REVIEW OF FOREIGN RESEARCH

Litvintsev, Denis,*Cand. of Sc. (Sociology),**Assistant of the Department of Social Work and Social Anthropology,**Novosibirsk State Technical University,**20 Karl Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-0358-3681

denlitv@inbox.ru

Abstract

In recent years, researchers around the world are increasingly turning to the problem of social alienation, which is caused not only by the coronavirus infection epidemic, but also by numerous other social and institutional processes. This article presents an overview and sociological analysis of foreign approaches to the study of social reclusion as a form of social alienation in religious, socio-philosophical, psychological, recreational, historical-cultural, spatial-geographical and economic-political discourses. Social reclusion is demonstrated both on well-known historical (reclusive poetess Emily Dickinson and others) and on modern cases. It was revealed that social reclusion can occur in relation to the whole society, certain social groups (for example, family) or institutions, as well as territories. Special attention is paid to home reclusion (solitude within the walls of your home) and green reclusion (solitude in nature). The author draws attention to the opposition of researchers of social reclusion and social exclusion, isolation, cultural participation and freedom. It is emphasized that social isolation is not identical with social reclusion, but can accompany it in conditions of limited social contacts, which confirms the phenomenon of A. Hansen's reclusive openness. It has been established that the determinants of home reclusion can be the place of residence, moral and psychological state of a person, limited health opportunities in older people, visible physiological deficiencies or dependence on the screen (mainly among young people, which in Japan is called "hikikomori"). Guided by the dialectical idea of the functionality of social reclusion, both its negative and positive aspects are shown, for example, the promotion of reintegration into society.

Keywords: social reclusion, home reclusion, green reclusion, social alienation, social withdrawal, social isolation, social exclusion, reclusive openness.

Bibliographic description for citation:

Litvintsev D. Social and Home Reclusion: A Review of Foreign Research. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 2, pp. 374–384. DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-374-384.

References

1. Andrews F., Rava E. Defining Reclusion: A Discussion with Presentation of the Papers in this Issue. *Quaderni di Storia Religiosa Medievale*, 2021, no. 2, pp. 377–408. DOI: 10.32052/103597.
2. Bertoni F. Escapes into nature or green reclusion? Slacklining, non-urban imaginaries, and the potential of bodies in the city. *Annals of Leisure Research*, 2021. DOI: 10.1080/11745398.2021.1934883.
3. Bocchi S.C., Angelo M. Between freedom and reclusion: social support as a quality-of-life component in the family caregiver-dependent person binomial. *Revista Latino-Americana de Enfermagem*, 2008, vol. 16, no. 1, pp. 15–23. DOI: 10.1590/s0104-11692008000100003.
4. Callus I. Reclusiveness and Posthumanist Subjectivity. *Subjectivity*, 2012, vol. 5, no. 3, pp. 290–311. DOI: 10.1057/sub.2012.12.
5. Chami A. The ‘Me’ (weld leble>d) and the ‘Other’ (Iberani), Two Factors That Enhance Social Exclusion and Reclusion, and Inhibit Social Inclusion (Coexistence): The North-West Algerian Cities as a Case Study. *Al Naciriya: Journal of sociological and historical Studies*, 2019, vol. 10, no. 1, pp. 600–626.
6. Chenivesse P. La recluse de Poitiers. *French Journal of Psychiatry*, 2019, vol. 1, suppl. 2, pp. 87–88. DOI: 10.1016/j.fjpsy.2019.10.098.
7. Farred G. Achilles, Celebrity Recluse. *PMLA*, 2011, vol. 126, no. 4, pp. 1102–1109.
8. Hansen A.H. Footballers and Conductors: Between Reclusiveness and Conviviality. *Conviviality at the Crossroads*. Hemer O., Povrzanović F.M., Ristilammi P.M. (Eds). Cham, Palgrave Macmillan, 2020, pp. 227–245. DOI: 10.1007/978-3-030-28979-9_12.
9. Harris E. Don’t Listen to the Media: It’s Okay to Isolate Yourself. *2017 Claremont Colleges Library Undergraduate Research Award*. 1. Available at: https://scholarship.claremont.edu/cclura_2017/1 (accessed 22.08.2022).
10. Harshika V. Digital Detox: The Art of Switching Off. *INROADS – An International Journal of Jaipur National University*, 2018, vol. 7, no. 1–2, pp. 8–12. DOI: 10.5958/2277-4912.2018.00023.1.
11. L’Hermite-Leclercq P., Brouillard L. Reclusion in the Middle Ages. *The Cambridge History of Medieval Monasticism in the Latin West*. Beach A., Cochelin I. (Eds). Cambridge, Cambridge University Press, 2020, pp. 747–765. DOI: 10.1017/9781107323742.040.
12. Lê T.T., Nguy’n T.H.L. Wang Wei’s wrong attitude towards Tao Yuanming (An “Imperial Recluse” Does not like a “Home Recluse”). *Journal of Science*, 2019, no. 5, pp. 67–74. DOI: 10.18173/2354-1067.2019-0026.
13. Lee J., Kim Y. A Phenomenological Study on the Reclusion Experience of Adolescents with Reclusive Loner Experience. *Korean Journal of Child Psychotherapy*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 61–91. DOI: 10.23931/kacp.2021.16.2.61.
14. Litvintsev D.B. Social and legal prerequisites for hoarding by condo residents in Russia. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, vol. 953, p. 012059. DOI: 10.1088/1757-899X/953/1/012059.

15. Lyet Ph. De la fragilité à la réclusion sociale et de l'assistance au développement territorial: des dynamiques d'inclusion en secteur rural. *Vie Sociale*, 2015, vol. 11, no. 3, pp. 193–203. DOI: 10.3917/vsoc.153.0193.
16. Marra M. Chapter Eleven. Paradoxes of Reclusion: Between Aesthetics and Anti-Aesthetics. Marra M. *Essays on Japan*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2011, pp. 203–225. DOI: 10.1163/ej.9789004189775.i-505.31.
17. Milhaud O. Reclus, réclusions, échelle et stratégies spatiales. *La Géographi*, 2018, no. 1568, pp. 12–16.
18. Sajus N. Adolescence recluse et refus de l'altérité: le phénomène Hikikomori. *Empa*, 2021, vol. 124, pp. 117–124. DOI: 10.3917/empa.124.0117.
19. Shadili G., Pannetier Th. Intérêt des visites à domicile chez les “retirants” addictifs aux écrans. *L'Information Psychiatrique*, 2017, vol. 93, no. 4, pp. 317–322. DOI: 10.1684/ipe.2017.1629.
20. Sharma R., Ramana Y., Makkar S., Nanda V. Giant rhinophyma: Managing a social recluse. *Plastic and Reconstructive Surgery*, 2005, vol. 115, no. 7, pp. 2146–2148. DOI: 10.1097/01.PRS.0000165468.40201.FD.
21. Tindale C.W. The Moral Sense in the Time of the Recluse. *Philosophy and Rhetoric*, 2020, vol. 53, no. 3, pp. 326–331. DOI: 10.5325/philtrhet.53.3.0326.
22. Valiūnaitė S. Jewish Culture in the First Half of the 20th Century in Vilnius. Participant or Recluse? *Istorija*, 2021, vol. 122, no. 2, pp. 30–47. DOI: 10.15823/istorija.2021.122.2.
23. Wolosky S. Emily Dickinson: Reclusion against Itself. *Common Knowledge*, 2006, vol. 12, no. 3, pp. 443–459.
24. Zeltner L., Bourvis N., Chuquet M., Robin M., Mauriac F., Fousson J., Kannas S. From individual to community, dealing with reclusion: The experience of Eric, a home treatment crisis team. *Neuropsychiatrie de l'Enfance et de l'Adolescence*, 2012, vol. 60, no. 5, p. 78. DOI: 10.1016/j.neurenf.2012.05.311.

The article was received on 04.05.2022.

The article was reviewed on 30.05.2022.